

Сейчас Цзянь Нань стоял просто как натуральный простачок — растерянный полностью.

Судя по географии и общему виду, этот маленький городок был по-настоящему живописным. Лето в самом разгаре: по берегу озера скользят тонкие силуэты ив, небо растянулось ровным голубым шатром. Большинство домов здесь — уютные двухэтажные особнячки в старинном стиле, каменные мостики, узкие переулки, неторопливая речная гладь южных провинций — всё это завораживало, словно убаюкивало.

И если в таком месте у семьи есть собственный дворик, то вряд ли их можно назвать бедствующими. Но тогда почему же эти люди записали старика в программу «Старость Под Опекой»?

Цзянь Нань стоял у ворот, глядя на оператора.

Оператор только развёл руками:

— Не смотрите на меня, я вообще ни при чём.

.....

Цзянь Нань вытер пот со лба, обдумал всё раз за разом и решил постучать ещё раз. Он ухватил тяжёлое медное кольцо на двери и, не сдаваясь, постучал:

— Есть кто дома? Дедуль, откройте, пожалуйста. Я без злого умысла, честное слово. Просто пришёл в гости. Давайте спокойно обсудим?

Он воплотил настойчивость: бубнил без остановки, напоминая неисправимую говорящую машинку, которую невозможно выключить.

Стук раз за разом повторялся, закольцовывался, будто никогда не собирался закончиться.

И наконец...

Когда даже сам Цзянь Нань уже устал стучать, дверь вдруг распахнулась, и на пороге возник старик:

— Что расшумелся? Душу пытаешься из меня вынуть?!

— ...

Увидев старика, Цзянь Нань просиял:

— Здравствуйте! Я... я пришёл к вам в гости. Меня зовут Цзянь Нань.

Лю Юйцин окинул его взглядом сверху донизу, придирчивым и холодноватым.

— Хм. — Он перевёл взгляд на оператора. — В гости, значит? И с собой посторонних таскаешь?

Цзянь Нань только беспомощно развёл руками.

Оператор послушно проговорил:

— Можете считать, что меня здесь нет.

Но чем дольше Лю Юйцин смотрел на камеру, тем заметнее мрачнел; наконец он сердито взмахнул рукавом:

— Я в программах сниматься не собираюсь! Если вы думаете, что заставите нас разыгрывать спектакль — даже не мечтайте. Ступайте отсюда.

Цзянь Нань опешил.

Перед приездом он был готов к тому, что у пожилого человека может быть сложный характер. В крайнем случае — подготовится получше и как-то разрулит.

Но вот того, что старик не просто вспылчив... что он в принципе не хочет участвовать в программе, — такого он никак не ожидал.

— Не переживайте, ничего разыграть не нужно, — мягко сказал Цзянь Нань и осторожно поставил ногу на порог. — Я всего лишь хотел сначала поговорить с вами.

Кто бы мог подумать, что даже при том, как он старательно пытался сделать свою ногу «невидимой», дедушка всё равно моментально это заметил.

Лю Юйцин, быстрее любого молодца, резко оттолкнул Цзянь Наня. Толчок оказался таким сильным, что ничего не ожидавший парень пошатнулся, сделал несколько неуверенных шагов назад и едва не полетел со ступенек.

Цзянь Нань в испуге выдохнул:

— Вы...

Лю Юйцин холодно фыркнул:

— Я уже сказал: сниматься в этой вашей программе я не буду. И не трать на меня своё время — я не стану вам подыгрывать.

Цзянь Нань выслушал его внимательно. Голос у него прозвучал ясный, чистый, почти детский в своей невинности:

— Но я же не говорил, что вы должны нам подыгрывать.

Старик запнулся.

Цзянь Нань мягко улыбнулся, глаза чуть прищурились от света, уголки губ дрогнули:

— Я шёл так долго, что едва на ногах стою... Позвольте хотя бы воды попросить. Тут ведь кругом ни одной живой души. Что вы хотите, чтобы я делал?

Лю Юйцин оглянулся вокруг, фыркнул ещё раз, недовольно:

— Так иди к озеру попей.

Цзянь Нань обернулся на гладь воды и с обречённой усмешкой сказал:

— Вы добрый человек... ну будьте добрее ещё чуть-чуть. Пожалейте меня.

С самого начала он держался необычайно мягко. Сегодня Цзянь Нань нарочно оделся подчёркнуто скромно: белая рубашка, чёрные прямые брюки, белые кеды — аккуратный, скромный, почти «образцовый студент». А с его светлым, чистым лицом он и вовсе выглядел моложе своих лет — вызывающе беззащитным.

А сейчас, когда он говорил тихо и так ласково... отказать ему становилось попросту невозможно.

Лю Юйцин поколебался добрых несколько секунд, потом резко развернулся:

— Ладно! Заходи!

Цзянь Нань расплылся в радостной улыбке, торопливо двинулся следом и по пути даже показал камере крошечный жест «держим курс», словно подбадривал команду. И только после этого вприпрыжку прошёл в дом.

Зрители в онлайн-трансляции тут же оживились:

«Поздравляем Нань-Наня — прошёл испытание начальной локацией!»

«Хахаха, ну хоть какой-то прогресс!»

«У других там полный ад, а тут — победа!»

Дворик внутри был обустроен с душой. В глубине дворика — крошечный сад, маленький пруд с бегущей водой, а в нём медленно скользила золотая кой. На галерее неподалёку висела клетка с попугаем — на его голове торчал жёлтый хохолок, а оперение отливало яркой, сочной зеленью. Красавец — глаз не оторвать.

Цзянь Нань огляделся, впитывая каждую деталь, и в душе отметил: он понемногу понимает, что нравится старику.

— Выпил воду — и уходи!

Голос Лю Юйцина раздался спереди.

Цзянь Нань стряхнул с себя оцепенение и увидел: под навесом галереи стоял небольшой деревянный столик, на котором уже была заварена чайная чашка. Носик чайника был повернут в его сторону.

Лю Юйцин сидел в кресле-качалке, круглое лицо полностью отражало внутреннее сопротивление:

— А то ещё скажут, что в моём возрасте я измываюсь над молодой порослью.

— Спасибо вам, господин, — мягко ответил Цзянь Нань.

Он почтительно присел, взял пиалу левой рукой — изящной, тонкой, белой, как фарфор — а правой поддержал маленькую, безупречно выточенную чашечку из белого нефрита. Пиала была невелика, но, хоть он и жаловался, что сильно хочет пить, он не стал осушать чашку

залпом — лишь чуть пригубил, словно смаковал.

Отпив глоток чая, Цзянь Нань собрал пальцы и вежливо постучал по столешнице три раза — лёгкое, сдержанное движение, в котором чувствовались воспитанность и почтение.

Лю Юйцин невольно задержал на нём взгляд чуть дольше:

— А ты, гляжу, понимающий.

Цзянь Нань аккуратно поставил чашку, улыбнувшись вежливо и тепло:

— Вы слишком добры. Хороший чай заслуживает хороших манер. Раз уж сегодня вы угощаете меня первоклассным би-ло-чунем, мне ведь нельзя быть грубым, верно?

Лю Юйцин расправил спину, будто вдруг почувствовал себя выше:

— Всё же разбираешься.

— Этот чай оставляет чистый, мягкий аромат, — сказал Цзянь Нань, ещё раз взглянув в чашку.
— А запах от самой заварки свежий, пронзительный. Если только я не ошибаюсь... это, должно быть, би-ло-чунь из Сучжоу?

Глаза Лю Юйцина на миг оживились, блеснули — но лицо он тут же стянул в привычную хмурость:

— И какое тебе до этого дело.

Цзянь Нань лишь улыбнулся, ничего не ответив.

Но главное — старик его больше не выгонял.

Был уже день, солнце припекало довольно ощутимо, однако во дворе жара почти не чувствовалась. Открытая планировка, нежный свет, лёгкий ветерок — всё это давало прохладу и покой. В клетке попугай радостно хлопал крыльями, весь такой живой и сияющий зелёным оперением.

Взгляд Цзянь Наня упал на лежавшую в коробке флейту. Он тихо сказал:

— Какая красивая работа.

Лю Юйцин бросил взгляд и заметно смягчился:

— Хм. Хоть что-то понимаешь.

— Лишь самую малость, — прошептал Цзянь Нань, глядя на нефритовую флейту; на лице его появилась тихая, почти нежная задумчивость. — Отец раньше учил меня. Помню, он говорил: “Держи нефрит, как держишь жизнь — прямо, честно, стойко и с достоинством”.

Лю Юйцин, кажется, обдумал эти слова, затем неторопливо кивнул:

— Ты играть-то умеешь?

Цзянь Нань смутился:

— Совсем немного... Я бы не осмелился играть при учителе, опозорюсь.

— То-то и проверим. — Голос Лю Юйцина стал спокойнее, куда менее колючим. — Если врѣшь — выметайся немедленно.

Цзянь Нань чуть не рассмеялся от такого тяжѣлого «доверия», но молча взял нефритовую флейту.

Он поднялся и подошѣл к галерее. Выпрямил спину, аккуратно приложил флейту к губам. Один мягкий, размеренный вдох — и он начал играть.

Первый чистый звук рассѣк тишину двора. Нежная, льющаяся мелодия потекла, словно прохладный ветер среди зелѣной листвы. Кой в пруду неторопливо скользил золотым отблеском, ветви слегка колыхались... А мелодия, тонкая и прозрачная, будто переносила слушателя в дымчатое утро на берегах южной реки, где за лѣгкой пеленой тумана будто бы стоит кто-то свой, дорогой, родной.

Лайв-чат взорвался:

«“Совсем немного” он говорит!»

«О Боже, как же красиво!»

«Нань-Нань — моѣ счастье, всё, точка.»

Когда мелодия стихла, Цзянь Нань опустил флейту и сказал:

— Простите за несовершенство.

Лю Юйцин кончиками пальцев постучал по подлокотнику, будто оценивая:

— Сойдѣт.

Цзянь Нань бережно вернул флейту на место — и в этот момент увидел, как Лю Юйцин неожиданно вытаскивает из кармана маленькую книжечку и кладѣт её на стол.

— Сам посмотри, — сказал он.

Книжечка была ярко-красной.

Цзянь Нань поднял её, раскрыл... и обнаружил, что каждая страница состоит из пустых клеточек в форме сердечек.

...?

Он пролистнул дальше и наконец нашёл напечатанную строчку: «Старайся — и сердце наполнится!»

...??

Цзянь Нань в полном недоумении поднял взгляд на старика.

— Это ваша съёмочная группа позавчера притащила, — лениво сообщил Лю Юйцин. — Я особо не слушал, но суть вроде такая: ты заработал какие-то там баллы.

Цзянь Нань чуть не подавился воздухом.

И тут он вспомнил, как перед приездом режиссёр, загадочно щурясь, говорил им всем: «Ребята, старайтесь! Если старики будут с вами ладить и будут довольны... то еда и жильё вечером будут получше.»

Цзянь Нань снова посмотрел на «оценочную книжку»:

— То есть вы хотите сказать...

— Максимум десять, — взял книгу обратно Лю Юйцин, как всегда медленно, важно. — Ты, парень, ну слишком громкий — минус четыре. Вопросов задаёшь слишком много — минус два. Хм... Получишь четыре.

...??

Цзянь Нань ощущал, как его мозг чуть не растекся в разные стороны.

Зрители в чате уже хохотали:

«Хахаха! Обнять и пожалеть!»

«Мальчик, у тебя сейчас явно много вопросов...»

«Срочные новости! У соседа Сяо Цзиня — минус двадцать!»

«ХАХАХАХА!»

Цзянь Нань растерянно взял книжку, даже толком не успев рассмотреть, когда услышал откровенно грубоватое:

— Всё, я спать буду. Возвращайся.

— Но я... — начал Цзянь Нань.

— Только попробуй ещё поворчать, — нетерпеливо махнул рукой Лю Юйцин. — И от четырёх ничего не останется.

Цзянь Нань моментально заткнулся.

Он вышел почти в прострации. Но даже в таком состоянии не забыл аккуратно закрыть дверь.

Живот урчал всё громче, и он решил поискать где-нибудь в городке лапшичную — поесть, хоть что-то перекусить.

И вдруг...

— Эй.

Чей-то голос прозвучал у него за спиной.

Цзянь Нань обернулся и увидел Фэн Цзиня. Тот стоял прямо за его спиной:

— Нань-Нань, тебя тоже выгнали?

«...»

Цзянь Нань смерил его взглядом сверху вниз:

— А у тебя там что произошло?

— Не спрашивай! — Фэн Цзинь вместе с ним вошёл в лапшичную; они заказали по миске говяжьей лапши. — Моя бабушка... ну, та, которая у меня. Она такая странная! Представляешь, она приняла меня за обслуживающего персонала!

Цзянь Нань заморгал.

— Я только зашёл, а она мне: “Протри пол. Помой посуду.” — Фэн Цзинь шумно втянул в себя лапшу. — А я подумал: как человек с рыцарским духом, я обязан помочь тем, кто нуждается в помощи!

Цзянь Нань с интересом наклонился ближе:

— И ты всё сделал?

Фэн Цзинь кивнул, закинул в рот кусочек говядины и отпил бульона:

— Всё. До последнего.

Цзянь Нань стал ещё любопытнее:

— Тогда... почему тебя выгнали?

Зрители в чате уже заходились смехом:

«ХАХАХА почти отправил бабушку на тот свет!»

«Он слишком силён!»

«Я чуть не умер со смеху у Фэн Цзиня на трансляции!»

И действительно — в глазах Фэн Цзиня мелькнула тень вины:

— Посуду я, понятно дело, мыл... И вот как-то так получилось, что я всё разбил.

«...»

Цзянь Нань осторожно уточнил:

— А с полом... всё нормально?

— Ну... да. Пол в порядке.

Цзянь Нань с облегчением выдохнул.

— Только я, кажется, слишком хорошо вымыл... — Фэн Цзинь понизил голос. — Слишком скользко получилось. Бабушка вышла из комнаты и чуть не навернулась. Чтобы удержаться, она схватилась за вазу... и сама её уронила.

...

Повисла крошечная пауза.

Цзянь Нань хотел было сказать что-то утешительное, но вместо этого опустил голову — и рассмеялся:

— Значит, поэтому тебя выгнали?

Фэн Цзинь покорно кивнул.

— Ну... — в глазах Цзянь Наня блеснул озорной огонёк. — А оценку ты получил?

— Оценку? — переспросил Фэн Цзинь.

Цзянь Нань кивнул.

— А-а, ты об этом? — Фэн Цзинь порылся в кармане и вытащил маленькую книжечку. — Она мне поставила минус двадцать. Это что вообще значит?

<http://bllate.org/book/12642/1121308>